
РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ПУТИ РАЗВИТИЯ

Социология в современной России: институциональные вызовы

А.Ю. ЧЕПУРЕНКО*

*Александр Юльевич Чепуренко – доктор экономических наук, профессор, Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт социологии ФНИСЦ РАН. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: achepurenko@hse.ru

Цитирование: Чепуренко А.Ю. (2020) Социология в современной России: институциональные вызовы // Мир России. Т. 29. № 3. С. 66–85. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-66-85

В статье сформулированы шесть основных вызовов, стоящих перед российской социологией в настоящее время, а также возможные варианты ответа на них со стороны научного сообщества. Вызов первый связан с неклассической природой современного российского общества; второй – с угрозой утраты социологией как наукой своей критической функции, если она слишком приблизится к государству и займется обслуживанием его интересов; третий – с необходимостью помочь гражданам понять, что такое российский социум и куда он движется; четвертый – с необходимостью в этом контексте оценить институциональные изменения в науке и образовании; пятый – с необходимостью подготовки научной смены, готовой к реализации фундаментальных и прикладных задач социологии в новых условиях; шестой – с деформацией норм и ценностей академического сообщества, угрожающих профессии. Автор предлагает свои варианты решения или подходы к ответу на обозначенные вызовы.

Ключевые слова: социология, Россия, попятная трансформация, многоукладное общество, вызовы

Памяти В.А. Ядова посвящается

Социология в советской России была возрождена, как известно, в 1960-е гг. усилиями подвижников – В.А. Ядова, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, Ю.А. Ле-

вады, Н.И. Лапина, Б.А. Грушина, О.И. Шкаратана и других, которых принято относить к первому поколению отечественных социологов-шестидесятников [Докторов 2018]. При всей сложности и неоднозначности взаимоотношений между ними и различии вклада каждого из них в становление и развитие в стране социологии как науки и академической профессии общими для них были, пожалуй, два момента: (1) напряженное внимание к *общественно значимым* явлениям и процессам, дискурс вокруг социально значимых проблем; (2) гражданский пафос и активизм, стремление научно обосновать подходы к урегулированию назревших проблем и больших вопросов и помочь в их решении средствами *социальной политики*. Настоящая статья – попытка взглянуть на нынешнее состояние социологии в России через призму этих (сегодня некоторым кажущихся устаревшими) подходов в развитие уже сказанного и написанного на эту тему коллегами [Радаев 2008; Radaev 2014; Гориков, Тощенко 2018; Бекарев и др. 2018].

Ниже обосновывается позиция, согласно которой в современной России социология сталкивается с рядом вызовов, вытекающих из природы общества и тенденций его развития, особенностей сложившейся в нем системы институтов макро- и мезоуровня. В статье выделены шесть основных, по мнению автора, вызовов для социологии, понимаемой максимально широко – и как наука, и как профессия, – и сформулированы возможные ответы на них.

Вызов первый связан с неклассическим, гибридным характером российского общества; *второй* – с грозящей утратой социологией как наукой своей критической функции; *третий* – с необходимостью помочь самому обществу понять, куда оно движется; *четвертый* – с осмыслением институциональных изменений в академии (в широком смысле слова), влияющих на изменения в организации науки и научных статусах; *пятый* – с подготовкой новой генерации социологов; *шестой* – с явлениями в академическом сообществе, связанными с глубокой аномией и распространением порочных практик поведения в профессии.

Гибридный характер российского общества как теоретический вызов

Первый вызов является принципиальным для социологии как науки, а потому остановимся на нем подробно. Известно, что система понятий и «теории верхнего уровня» в социологии сформировались в конце XIX – середине XX вв. и остаются отражением процессов и явлений в зрелом буржуазном (индустриальном, рыночном и т.д.) обществе. Однако российское общество после первой попытки создания предпосылок и условий для транзита в этом направлении в последние два десятилетия во все ускоряющемся темпе осуществляет движение, которое можно охарактеризовать как «попятную трансформацию», т.е. движение в сторону сословной социальной структуры, государственной экономики, формирования вертикальных иерархических структур вместо горизонтальных рыночных сетей, о чем убедительно пишут некоторые коллеги [Кордонский 2008; Кордонский 2009; Кордонский 2010; Плюснин 2014; Kordonsky 2016]. Поэтому, как представляется, чем дальше, тем меньше реалии российского общества могут быть описаны в категориях и понятиях, сложившихся в рамках обществ, где рынки и иные горизонтальные формы

общественных связей являются доминирующими, а вертикально-иерархические отношения – вторичными по отношению к ним.

Отчасти этот процесс камуфлируется формированием и развитием элементов постиндустриального общества в столице и ряде других городов-миллионников в рамках «четвертой России» [Zubarevich 2013], от чего общая картина (особенно при фокусировании на «точки глобального роста») искажается. Как бы то ни было, в этих условиях использование терминологии западной социологии без уточнения вкладываемого в отдельные термины содержания входит в противоречие с реалиями, которые он должен описывать, а поэтому часто приводит к неверным оценкам и выводам. Классические примеры можем найти в дискурсе о наличии, составе и качестве «среднего класса»¹ и «предпринимательства» в России, об образовании как факторе формирования «человеческого капитала» и источнике социальной мобильности в современном российском обществе и т.п.

Между тем, если внимательно анализировать данные соответствующих репрезентативных эмпирических исследований по социальной стратификации (см., напр., [Шкаратан, Ястребов 2008; Тихонова 2014]), совершенно очевидно, что не только человеческий и социальный капитал, профессиональный статус, возможности в области потребления и досуга, но и источники благосостояния у разных групп, причисляемых к среднему классу в Москве и в каком-нибудь региональном центре, значительно различаются: если у столичных средних значимое место занимают доходы от предпринимательства или высококвалифицированного наемного труда, или фриланса [Стребков, Шевчук 2015; Стребков, Шевчук 2017; Shevchuk, Strebkov, Davis 2018], то в провинции подавляющая часть этих средних – госслужащие со сравнительно невысокими официальными доходами. А предпринимательство в малом городе или сельской местности очень часто обусловлено не стремлением акторов реализовать собственный потенциал, используя подходящие рыночные возможности, а узостью или отсутствием альтернативных возможностей экономической активности либо стремлением хотя бы что-то изменить на своей малой родине [Кузина, Чернышева 2016]. Очень далеко оно от хрестоматийного шумпетерианского инновационного предпринимательства, подчас смыкается с отходничеством и осуществляется вне формальной экономики [Плюснин, Заусаева, Жидкевич, Позаненко 2013; Барсукова 2015; Барсукова 2017; Чепуренко 2019].

Иными словами, современный социальный контекст задает иное содержание и смыслы, которые не всегда легко вычленишь, если исходить из принятых на веру утверждений, согласно которым в России с начала 1990-х гг. по-прежнему совершается некий линейный процесс трансформации базировавшегося на плановой экономике социалистического общества в основанное на рыночном хозяйстве капиталистическое общество. Как представляется, факты и реальные тренды развития, особенно последних двух десятилетий, не дают достаточных оснований для верификации этого утверждения.

Те социологи, которые в постановке исследовательских вопросов, образно говоря, «выходят за пределы Садового кольца» и анализируют реальные процессы и явления в российском обществе [Кордонский, Плюснин 2016; Кордонский, Моляренко 2018 и др.], не только вносят реальный вклад в познание современ-

¹ Более глубокая трактовка дана в работах [Аникин, Тихонова 2016], хотя и они не свободны от переноса концепций, сложившихся в англо-американской литературе, на наши реалии.

ного российского социума, что было сверхзадачей социологов-шестидесятников, но и поднимают важные для всей мировой социологии методологические и содержательные вопросы на уровне теорий верхнего и среднего уровня, не впадая в простое описательство или чистую этнографию. В этом смысле такие исследования могут быть более интересными и полезными для мирового мейнстрима, чем попытки подгонки реалий современного российского социума под отражающую реалии вполне развитого рыночного общества с демократическим общественно-политическим устройством и соответствующими институтами (включая нормы и ценности) сетку понятий.

Важнейшие задачи, которые стоят в этом контексте перед социологией в современной России, – объяснение причин «попятной трансформации» и выявление возможных трендов развития (эволюция/деволюция и т.п.). Предлагаемые сегодня концепты – «институциональная матрица» [Кирдина 2014], система «сдатка» и «раздатка» [Бессонова 2015], на мой взгляд, такой задачи не решают, потому что статичны, не содержат объяснения причин и механизмов смены режимов существования институциональной матрицы (подробную критику см. [Черныш 2015]). Не решает ее и концепция «колеи» [Аузан 2007; Нуреев 2010; Нуреев, Латов 2011] или зависимости траектории развития от предшествующего пути: данная концепция, по сути, оставляет за рамками содержательного анализа вопрос о возможности выхода из этой колеи.

Мне же представляется, что не следует, во-первых, исходить из вечности некоей институциональной матрицы или зависимости от предшествующего развития. Действительно, на стадиях традиционного общества и отчасти общества модерна огромная территория при низкой плотности населения объективно обуславливала возвышение государства не только как арбитра, но и как центрального элемента всей общественной конструкции. Однако по мере развития средств сообщения (особенно связанных с цифровой революцией виртуальных систем, средств коммуникации и т.д.) эта вертикальная система постепенно дополняется все более густой и плотной сетью горизонтальных связей, и роль «вертикали власти» объективно снижается, а возможности для формирования гражданского общества и соответствующих ему институтов возрастают. Поэтому анализ виртуальных сообществ и социальных сетей [Иванов 2000; Кольцова, Маслинский 2013; Koltsova, Selivanova 2019] представляется не просто следованием моде, а важным направлением поиска возможных траекторий переформатирования сегодняшней общественной модели в России в направлении ее деархаизации.

Во-вторых, однако, было бы преждевременно конструировать холистическую теоретическую модель современного российского социума, т.е. пытаться все многообразие различных сосуществующих в современной России социально-экономических типов *Gemeinschaft* вписать в логику развития какого-то одного типа *Gesellschaftsordnung*. Проблема современного российского социума, как нам представляется, в том и заключается, что он является агрегатом весьма разнородных цивилизационных типов, которые, несмотря на влияние глобализации и цифровой революции, все еще сохраняют возможности для самовоспроизводства (натуральное и полунатуральное хозяйства, поддерживаемые доходами периодически возвращающихся в родные места отходников, но подтачиваемые исходом молодежи в крупные города. В этом смысле концепция «четырёх Россией» [Zubarevich 2013] вполне может сохранять актуальность на протяжении жизни еще как минимум одного поколения).

Уже в советские времена наше общество было весьма мозаичным, идеологические конструкты типа «общенародной собственности» и новой исторической общности – «советского народа» – существовали только в головах адептов режима и не разделялись населением. На руинах советского общества возник (наряду с господствовавшей в крупных городах советской индустриальной системой) быстро растущий постиндустриальный уклад (в Москве и Санкт-Петербурге; его очаги складываются также в некоторых других городах-миллионниках). В этих условиях то, что когда-то называли многоукладностью российского общества, заметно усилилось и возникла уникальная для большинства постсоциалистических обществ проблема: как, на каких началах, какими формами политических отношений могут быть связаны между собой совершенно разные типы *Gemeinschaft* – от клановых общественных структур Северного Кавказа до постмодерна двух столиц. Если постмодерн предполагает развитую индивидуальность, готовую взять на себя ответственность за хозяйственное благополучие и решение проблем социума, то клановые или ведущие полунатуральное хозяйство сельские сообщества формируют примат коллективности, единообразия, патерналистские установки. В результате в контексте институциональной ловушки растущих рентных доходов, которые в первом десятилетии XXI в. позволяли, с одной стороны, удовлетворять запрос на рост перераспределения через федеральный бюджет с целью частичного удовлетворения запроса на «заботливое» государство (национальные проекты и дотации на развитие подавляющему большинству регионов), т.е. минимизировать потери и увеличивать приобретения россиян [Козырева 2014], а с другой стороны, поддерживать технократические иллюзии модернизационного рывка, и сложилась система современного российского «порядка ограниченного доступа», или неоэтакратического общества [Шкаратан, Ястребов 2008]. Другие страны, рассматриваемые как хрестоматийные примеры различий в уровне и темпах развития между разными их частями (ни Германия после объединения, ни Италия), хотя и продолжают испытывать большие сложности с формированием единого социокультурного и экономического пространства, в XX в. с социетальными проблемами такого масштаба не сталкивались!

Полагаю, именно поэтому иной возможности институционального переустройства на переломе XX–XXI вв., чем формирование государственно-центрической авторитарной системы, очень напоминающей позднефеодалное общество, и не было. К тому моменту, когда Россия вступила в полосу трансформации прежней общественной системы, были известны две модели, которые теоретически могли служить целевыми в силу их относительной успешности: надэтнический проект (США – «плавильный котел», или ЕС – «европейские ценности») создания гражданской нации или этноцентристский (Китай, Турция, Иран). Оба были невозможны в России: надэтническим был советский проект («советский народ»), но это как раз тот «трест», который только что «лопнул». Повторная попытка строительства нации на тех же основаниях при отсутствии объединяющих идей и ценностей в начале 1990-х гг. была невозможной и, помимо этого, требовала иного уровня мобильности населения. С другой стороны, этноцентристский (или квазиконфессиональный) путь в условиях многоэтничности и многоконфессиональности России стал бы скорейшим путем к развалу и погромам в духе некоторых постсоветских государств Центральной Азии или стран черной Африки. Да и некоторые события на Северном Кавказе показывали его тупиковость. Печальный

конец ельцинизма (как синтетической попытки одновременно строить гражданскую нацию и раздать регионам «столько суверенитета, сколько проглотят») к 1998 г. сделал, на наш взгляд, невозможность таких проектов очевидной, вопреки тому, что утверждают некоторые авторы (см., напр., [Горшков, Тюрина 2018]).

Отсюда возобновление поисков «особого пути», в результате чего в настоящее время мы имеем сословную Россию как *временное* разрешение противоречий между разными типами *Gemeinschaft* за счет сокращения роли горизонтальных и увеличения роли вертикальных отношений в обществе (не *граждане* и не *регионы* взаимодействуют друг с другом, а подданные и вассальные территории с «отцом нации»). Думается, что это именно промежуточная ситуация, а не социально-экономическая модель на века, поскольку клановые и сельские *Gemeinschaften* постепенно сжимаются, сокращаются и из них идет отток населения. Индустриальные сообщества также постепенно трансформируются под влиянием прихода новых технологий и новых стилей жизни и потребления. Глобальная конкуренция (в том числе и в военно-технической сфере) требует отказа от «экономики трубы», а по мере сокращения рентных потоков будут меняться и структура основных источников формирования национального богатства, социальные типы, нормы и ценности.

Анализ возможностей и развилок общественного развития в условиях доминирования экстрактивных институтов (см. [Аджемоглу, Робинсон 2015]) может представлять собой важный вклад российской социологии в развитие мировой социологии, поскольку до сих пор в мировой литературе нет ни сложившейся теории, ни сформированного научного аппарата для изучения многосоставных, мозаичных, развивающихся не в «понятной» логике рынка, гражданской нации и государства-медиатора общественных систем.

Вызовы перед социологическим сообществом и публичная функция социологии

Второй вызов, вечно стоящий перед отечественной социологией уже как корпорацией вследствие зависимости ее институтов от государственного финансирования, с одной стороны, но усиливающийся в результате нарастающего давления идеологических окол властных институтов в последние годы, с другой, – это возможность утраты критической функции социологией как науки по мере роста специфического внимания к ней со стороны власти. В условиях, когда авторитарное государство является практически единственным заказчиком работ социологов, перед ними возникает дилемма: получая от исполнительной власти финансирование, обслуживать ее своими рекомендациями или бороться за право науки на независимость суждений по наиболее острым вопросам? В сложные советские времена ситуация была не лучше, но тогда отечественные социологи умели отстаивать свое право на независимое суждение [Черныш 2019].

Сегодня же, к сожалению, осознание этой дилеммы часто приводит к уходу от острых вопросов и отказу от публичных выступлений по злободневным темам. В результате в массовых медиа, включая и электронные, почти нет выступлений по волнующим общество острым вопросам: росту социального неравенства, проблемам образования и здравоохранения, экологическому неблагополучию, росту

ксенофобии в крупных городах и т.д. Хотя при этом нет и недостатка ни в поверхностных высказываниях, ни в кочующих с одного ток-шоу в другое «экспертах по всем вопросам». С другой стороны, усилились голоса коллег, для которых основной функцией социологии является не столько объективное исследование реалий, сколько экспертный консалтинг власти, встраивание ее в технологические процессы государственного управления. Но насколько самодостаточное во всех отношениях российское государство при осуществлении социальной политики нуждается в экспертной поддержке? Как представляется, опыт проведения пенсионной реформы, внедрения материнского капитала и ряда других крупных шагов последних лет достаточно убедительно продемонстрировали, что исполнительной власти нужны скорее не эксперты, а пропагандисты, готовые «продавать» уже принятые и одобренные бюрократией решения.

Этот вызов стоит не только как этическая проблема перед социологией как наукой, но и становится серьезным риск-фактором для той части социологического цеха, который занят электоральными и иными прикладными исследованиями, поскольку авторитарное российское государство стремится встроить социологические опросные технологии в систему управления общественным сознанием и электоральным поведением (см. тезис Г. Юдина о формировании в России «плебисцитарной» электоральной социологии) [Yudin 2019]. Проведение опросов с формирующими вопросами, с одной стороны, может оказывать определенное влияние на поведение не до конца определившихся избирателей, а с другой стороны, в долгосрочной перспективе чревато серьезными репутационными рисками для социологии как науки и как профессии. Уже сегодня среди образованной публики в социальных сетях хорошим тоном считается ироническое отношение ко всякой «социологии» (под которой чаще всего понимаются наспех сбитые пресс-релизы по итогам некоторых опросов населения).

Такого рода тенденции порождают контртенденции, и самым важным, пока недооцененным отечественным социологическим сообществом явлением стало возникновение самоорганизующейся сети «Открытое мнение» (инициатор – И.В. Задорин), в рамках которой российские социологи, профессионально занимающиеся полевыми исследованиями, сформировали устойчиво функционирующее сообщество. Сочетая волонтерскую деятельность основных вовлеченных участников и краудфандинг для финансирования некоторых работ, они смогли, хотя и не без проблем и трудностей, создать устойчиво развивающийся проект, который, как представляется, не имеет аналогов в мире и является образцом того, как социология может не только реализовывать публичную функцию в ответ на общественный запрос², но и формировать новые формы коллективной работы и на деле реализовывать профессиональную солидарность. Академическая социология пока наблюдает за этими процессами словно бы «со стороны», и это чревато для нее серьезными проблемами уже в ближайшем будущем: сокращением притока абитуриентов на соответствующую специальность в вузах, «утечкой мозгов» из академической науки в прикладные исследовательские области и т.д.

Ответ на этот вызов может быть дан. Во-первых, профессиональные ассоциации (те из них, которые хотели бы заявить о реальном представительстве

² Проект стал в известной мере ответом на массовый скепсис по поводу ангажированности полстеров, распространившийся среди значительной части общественности в ходе массовых протестов 2011–2011 гг.

интересов сообщества) должны вырабатывать позицию по принципиальным вопросам – о роли и месте критической социологии в обществе, об отношении науки к государству (и отношениях ученых с государством), а главное – поддерживать и продвигать начинания организаций наподобие «Открытого мнения» и иные формы самоорганизации отечественных социологов вокруг решения актуальных проблем, а не вокруг отдельных персон и групп интересов.

Во-вторых, многое для снижения зависимости от госфинансирования можно и следует сделать в области применения передовых опросных технологий, методов качественных исследований (см. [Девятко 2018; Терентьев, Мавлетова, Косолапов 2018, Nikolenko, Koltsov, Koltsova 2017]), что позволит использовать для проведения пилотажей и даже полномасштабных исследований практически бесплатную инфраструктуру интернета и получать достоверные результаты, при этом сократив бюджеты исследовательских проектов и обходясь вообще без грантового или иного финансирования. Научиться пользоваться новыми финансовыми технологиями в этом смысле необходимо не только в техническом плане. В-третьих, с этой же целью необходимо развивать использование краудфандинга: например, конференции и конгрессы различных российских социологических обществ и ассоциаций могли бы формировать единые планы инициативных исследований и часть взносов направлять на их финансирование, а также проводить целевой фандрайзинг в социальных сетях. В-четвертых, необходимо наладить регулярную коммуникацию с сообществом компаний, занимающихся прикладными исследованиями: так, ОИРОМ и Ассоциация «7/89» уже много лет консолидированно действуют по многим вопросам, включая подготовку и переподготовку кадров для индустрии, а также регулярно проводят конференции, на которых вопросы методики, техники и технологий современных социологических исследований звучат и глубже, и острее, чем на конференциях профильных социологических ассоциаций. Как представляется, со стороны академической части сообщества существует известная недооценка того полезного опыта и результатов, которых добились за последние пару десятилетий полстеры и исследователи рынка в изучении стандартов жизни, потребления, финансового и электорального поведения россиян. Их результаты, переосмысленные академической социологией, могут стать важным ресурсом объяснения российскому обществу, каково оно, из каких групп и слоев состоит, какую пеструю палитру составляют их ценности и интересы. Это важно, и тут мы подходим к третьему вызову.

Третий вызов – помочь российскому обществу понять, куда оно движется. В центральной прессе и на основных каналах телевидения, являющихся главными источниками формирования общественного мнения у россиян старших возрастов, и в обсуждении актуальных вопросов общественного развития, предполагающих социологический анализ и его публичную интерпретацию, в основном мелькают одни и те же «эксперты по всем вопросам», среди которых почти не встретишь профессиональных социологов. В социальных сетях, основном источнике информации молодежи, большинство ведущих социологов страны также почти не представлены, т.к. не имеют регулярно поддерживаемых ими групп и блогов. Создаваемая в настоящее время ситуация, когда значительная часть общества не имеет четкой картины социальных процессов и не может выработать ни рациональной стратегии поведения (пример – закредитованность населения, низкая финансовая грамотность, обманутые дольщики и другое), ни адекватной самооценки своего

социального статуса и ресурсов, ощутимо влияет как на социальное самочувствие, так и на формирование повестки публичного дискурса, в котором начинает преобладать «мудрость толпы» [Девятко 2012].

Социология в России остро нуждается в создании альтернативных каналов продвижения научных взглядов на общество, его социальную структуру и важнейшие проблемы, возможные пути их решения в виде каналов в YouTube, регулярных публичных лекций на общественных площадках³. В целом публичная функция социологией в России сегодня реализуется слабо, хотя именно в этом и состоял пафос социологов-шестидесятников. Думается, ведущие социологи должны регулярно поддерживать свои блоги, но сегодня этим занимаются единицы. Далее, необходимо сотрудничать с ведущими журналистами и блогерами, пишущими на социальные темы: это могут быть как курсы повышения квалификации (о том, как правильно читать данные, что такое допустимая ошибка выборки, чем медиана отличается от моды и т.п.), так и регулярные брифинги и семинары по наиболее волнующим вопросам общественного развития с этими фасилитаторами, формирующими не только общественное мнение, но зачастую общественные фобии и предрассудки. Возможно, следовало бы заняться и дополнительным образованием работников масс-медиа и коммуникационных агентств, которые часто не умеют ни прочесть простую диаграмму, ни тем более интерпретировать ее. Этим должны и могут заниматься как вузы, так и Институт социологии РАН.

«Социолог, изучи себя сам»: внутринаучные процессы как вызовы

Четвертый вызов – институциональные изменения в науке и образовании либо не поняты, либо не приняты большинством коллег, но являются реальностью, в которой нам жить. Процессы, происходящие в сфере управления наукой и образовательными учреждениями, зачастую рассматриваются, в том числе и социологами, в основном как наступление «железной пяты бюрократии», и попытки проанализировать их в контексте общих тенденций общественного развития – как глобальных («университет 3.0» как корпорация по производству знаний на продажу, а соответственно, как машина для выжимания «полезных результатов» из НПП), так и внутрироссийских («оптимизация» бюджета по мере снижения темпов роста, огосударствления экономики) – предпринимаются редко. Либо же эти контексты смешиваются, так что внутрироссийские реалии трактуются как всемирная «смерть науки» в объятиях госбюрократии, а глобальные процессы – как временная дисфункция, которая обязательно сменится возвратом в идеализируемое прекрасное прошлое.

Различные аспекты указанных процессов трансформации вузов в России в университеты нового типа уже становятся предметом анализа (см., в частности [Yudkevich 2013; Froumin, Kuzminov, Semyonov 2014]), хотя затрагивают пока главным образом пару десятков ведущих вузов, которые конкурируют с ведущими

³ Безусловно, следует приветствовать усилия, предпринимаемые Сахаровским центром, Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара и ВШЭ в Москве и Санкт-Петербурге, а также Ельцин Центром в Екатеринбурге, но, учитывая масштабы страны, их активности явно недостаточно.

западными университетами и потому активно внедряют новые модели внутренней организации, найма и стимулирования преподавателей и т.д. Эта часть вузовского сообщества активно продвигает новые форматы обучения, формирует инновационную инфраструктуру, встраивается в процесс экспорта образовательных услуг. С другой стороны, чем дальше, тем очевиднее становится тот факт, что современные университеты и исследовательские институты – не что иное, как распространение принципов фабричного производства и организации труда на сферу образования и науки в обществе знаний (см. [Чепуренко 2018]).

При этом появляется все больше парт-таймеров, а также студентов и аспирантов, которых привлекает университет на низшие позиции для ведения учебных занятий или в исследовательские проекты. Этому способствуют современные информационные технологии, пришедшие и в высшую школу: онлайн-курсы не требуют регулярного участия в процессе преподавания высокооплачиваемых профессоров, а только сравнительно «дешевой» поддержки (прокторинга). В некоторых университетах уже заявлено о формировании нового трека, в рамках которого будет расширяться наем преподавателей, в функции которых будут входить преимущественно проверка заданий, но не исследовательская работа. Правда, академическая элита университетам все-таки нужна – в первую очередь для руководства прорывными прикладными и фундаментальными исследованиями и для защиты своих позиций в академических рейтингах, большинство из которых в большей степени оценивают уровень университета по наукометрическим показателям. Без стимулирования ведущих преподавателей и профессоров к постоянному публикационному подвижничеству это невозможно, и ведущие университеты создали целую систему поиска, привлечения, дополнительного стимулирования и «удержания» высокопродуктивных в научном отношении коллег.

Все это приводит к сегментации еще недавно сравнительно гомогенной академии на небольшую часть привилегированных *tenured* профессоров и подавляющее большинство академических работников, в отношении которых используются все приемы и методы найма и оплаты, которые до этого были характерны для наемных работников крупного фабричного производства (с его разделением на сравнительно благополучное ядро и периферию), при этом в составе этой группы постепенно выделяется академический прекариат [Шкартан, Карачаровский, Гасюкова 2015].

Процесс утраты значительной частью работников академии прежнего статуса объективно ускоряется вследствие того, что ресурсы, необходимые для их труда (прежде всего дорогое лабораторно-экспериментальное оборудование, доступ к данным масштабных опросов и т.д.), могут быть в необходимых масштабах мобилизованы только благодаря финансовым вложениям, которые делаются университетом и становятся его собственностью, как и результаты научного труда.

«Университет 3.0» в современном обществе – своего рода фабрика, и это следует принять как реальность, от которой не удастся спрятаться (несмотря ни на какую национальную «уникальность» российских образовательных традиций), а поэтому к ней следует готовиться. В частности, российские социологи могут, во-первых, внести свой вклад в изучение трендов в современной академии и их социально-экономических и политических последствий, во-вторых, предложить свое видение нового общественного договора между руководством образовательных и научных учреждений, предусматривающего внедрение всех тех институтов,

которые действуют в современной коммерческой корпорации, поскольку университет или исследовательский институт тоже превращаются в корпорацию по извлечению доходов от знания. Например, речь может идти о распространении модели корпоративной социальной ответственности (КСО) на учреждения образования и науки: учет при формировании и развитии стратегии университетов интересов широкого круга стейкхолдеров, а не только высшей академической бюрократии; расширение участия младшего академического персонала в решении вопросов развития университетов, прежде всего в части кадровой политики, найма и увольнения, и т.д. (подробнее см. [Чепуренко 2018]).

Наконец, российские социологи могут принять гораздо более активное участие в идущей трансформации академического ландшафта через свои профессиональные ассоциации, которых в стране насчитывается полдюжины. На сегодняшний день это чересполосица групп интересов, которые в основном сосредоточены на отстаивании собственного статуса и мало реагируют на изменения в институциональном поле профессии, не организуют общественной дискуссии по этим вопросам, не доводят консолидированную точку зрения до министерств и ведомств.

Совершенно не чувствуется влияние социологических ассоциаций и обществ в таких важных вопросах, как формирование образовательных и профессиональных стандартов, включая этические стандарты, и проблемы контроля качества социологического образования, который сегодня реализуется в виде пресловутой аккредитации вузов, проводимой Рособрнадзором. По существу, это некий обряд инициации, который требует от вузов чудовищных усилий по формированию массива документов, зачастую имеющих лишь отдаленное отношение к образовательному процессу. В целом же эта аккредитация нацелена, скорее, на проверку соответствия этого массива документов некоторым формальным требованиям, соблюдение которых никак не гарантирует ни качества профессиональной подготовки, ни эффективного трудоустройства выпускников. Как представляется, если бы Монтеки и Капулетти в российском социологическом сообществе смогли консолидироваться (хотя бы) в этом вопросе, удалось бы пролоббировать более отвечающую задаче процедуру. Например, под эгидой профильного федерального учебно-методического объединения при участии социологических ассоциаций и ассоциаций работодателей можно было бы создать некое некоммерческое партнерство по профессионально-общественной аккредитации, которое занималось бы анализом уровня остаточных знаний у студентов выпускных курсов и степенью востребованности выпускников (доля трудоустроенных плюс средняя заработная плата через год после окончания вуза). Ничего больше для того, чтобы понять, работает ли вуз на экономику страны или зря занимает место в российском образовании, не нужно. Таким образом, мы подходим к пятому вызову.

Пятый вызов – подготовка научной и профессиональной смены, которая ведется во многих вузах все еще «по старинке» с упором на передачу знаний, а не на формирование компетенций, без привлечения специалистов-практиков в качестве преподавателей и «оценщиков», без использования онлайн-курсов и т.д. Многие курсы по методам сбора и анализа данных отражают практики вчерашнего дня, кроме того, студенты не получают достаточных навыков в смежных областях (менеджменте, коммуникациях и т.п.), которые нужны им на рынке труда. Помимо этого, слабое владение английским языком многими студентами не позволяет вовлекать в процесс образования обширный массив современной профессиональной

литературы. Педагогические кадры часто формируются методом инбридинга, что способствует закреплению сложившейся культуры и традиций, но препятствует внесению конкурирующих концептов и подходов в образовательный процесс вуза. Потенциальные работодатели не стремятся вкладываться в образовательный процесс и практически ничем не помогают вузам в достижении ожидаемых от социологических вузов результатов.

При этом на самом деле ситуация еще более серьезна, поскольку подготовка смены не исчерпывается сугубо образовательным процессом, если говорить о будущих исследователях и преподавателях. Они должны получать еще и навыки проектной работы, а также (особенно в магистратуре и аспирантуре) написания и публикации научных текстов, но именно в таких видах деятельности во многих вузах (преимущественно в регионах) существует острый дефицит.

Что здесь можно было бы сделать? Во-первых, все те же социологические ассоциации и общества как институты горизонтальной самоорганизации сообщества могли бы инициировать создание проектной ярмарки (например, на портале Института социологии РАН), куда все потенциально заинтересованные лица, как физические, так и юридические, выкладывали бы заявки на привлечение к проектной работе (и офлайн, и удаленной) студентов и аспирантов с указанием требований к знаниям и навыкам потенциальных исполнителей, а также с кратким техническим заданием (что, когда, как должно быть сделано), а эксперты такой площадки из вузов вменяли бы каждому проекту определенную трудоемкость в кредитах. По сути, речь идет об электронной ярмарке удаленной социологической работы, на которой научная молодежь получила бы возможность находить соответствующие перспективы. Если бы вузы согласились засчитывать соответствующее число учебных кредитов при предоставлении справки о выполненной работе, такая система могла бы помочь в формировании удаленной проектной работы или практики в интересах как вузов, так и самих обучающихся. Собственно, некоторые высшие учебные заведения уже идут по этому пути: например, в НИУ ВШЭ на внутреннем портале университета несколько лет существует студенческая «Ярмарка проектов», которая пользуется популярностью и у студентов, и у преподавателей, преследующих цель решить какую-то вспомогательную задачу или сформировать команду для скоротечного проекта.

Во-вторых, важную роль в формировании научной смены могли бы сыграть социологические журналы. Разумеется, между ними существует конкуренция за авторов и материалы, особенно обострившаяся в связи с тем, что ведущие ученые все больше ориентируются на международные англоязычные журналы, но в одном их интересы совпадают, а именно в формировании когорты новых потенциальных авторов, умеющих не только проводить исследования, но и грамотно, в соответствии с академическим стандартами, описывать их результаты. Поэтому, например, под эгидой одного из социологических обществ или ведущего университета социологические издания могли бы периодически организовывать совместные конференции, на которых наряду с отбором и обсуждением статей для тематических номеров в интересах каждого из журналов также проводить и мастер-классы академического письма, встречи с ведущими авторами и рецензентами для разбора типичных ошибок в статьях, знакомство с внутренней кухней журналов и т.д. Такая практика журнальных консорциумов существует в ряде зарубежных издательств, но пока не приживается у нас, даже при том, что практически все ведущие

журналы издаются на базе ИС РАН и НИУ ВШЭ, и их редакции неформально взаимодействуют по многим вопросам. Между тем после нескольких дней участия в таких конференциях молодые авторы уезжали бы домой с большим багажом новых знаний и полезных профессиональных знакомств, а журналы расширяли бы свой портфель или, как минимум, потенциальный круг своих авторов. Это также способствовало бы реальному знакомству друг с другом российских социологов, представляющих разные учреждения и города, постепенному изживанию своего рода «феодальной» раздробленности, обычно оправдываемой «самобытностью» разных научных школ. И здесь мы подходим к шестому вызову.

Шестой вызов – «запущенные болезни академической среды» в России, которые пустили ростки и в сфере социологии (плагиат, вторичность исследовательской повестки в диссертациях). Отчасти это проявление тотальной аномии, поразившей все российское общество, в том числе науку и образование, в ходе ломки старых и отсутствия консенсуса по поводу новых норм, и отчасти – результат пестования собственной «исключительности», отрыва от глобальной повестки дня и попытки противостоять глобальным изменениям в институциональном поле академии.

В данной связи следует приветствовать усилия Диссернета и Ассоциации научных редакторов и издательств (АНРИ) по восстановлению норм научной этики, в том числе и в области социологии, но следует признать, что интеллектуальное воровство и приземленность исследовательской повестки, упоенное самоцитирование и отсутствие в ряде журналов объективной экспертизы присылаемых для публикации статей являются весьма распространенными, а в некоторых вузовских журналах – нормой жизни. Но подлинная или мнимая специфика российского академического сообщества и повестка дня исследований, определяемая этой спецификой, ни в коей мере не оправдывают ни кражи чужих мыслей, ни ограничения описанием некоторых черт российского социума без попыток их объяснения и сравнительного анализа, ни кумовства при решении вопросов о публикации сырых или профессионально непригодных текстов.

Вхождение ряда российских журналов в *Scopus* стало позитивным сигналом, свидетельствующим о том, что международные системы академического признания, несмотря на несовершенство редакционных практик в отдельных изданиях, все же готово дать российским ученым-социологам шанс (см. [Radaev 2017]). Однако изнутри многие имеющиеся огрехи виднее, причем устранение некоторых из них вовсе не требует больших усилий или финансовых средств. Прежде всего, речь идет о практике рецензирования, причем оно по-прежнему далеко не всегда является анонимным, а значит, существует как возможность морального давления авторитета автора на рецензента, так и сведения личных счетов под видом объективной научной критики. Во-вторых, в ряде журналов до сих пор не принята система полуформализованной оценки, которая позволяет легко сравнивать отзывы разных рецензентов по одним и тем же критериям. В-третьих, что, пожалуй, сильнее всего мешает конвертации российских академических текстов на международном академическом рынке, это то, что большинство журналов не предъявляет формальных требований к структуре текста статьи. В результате обычными являются скороговорка вместо тщательного анализа предшествующей литературы, крайняя схематичность при описании базы данных и тезисность при обосновании избранного метода исследования, зачастую отсутствуют внятно сформулированные исследовательские вопросы или гипотезы и т.д.

Что можно было бы сделать, чтобы изменить ситуацию? Во-первых, вместо свадебных генералов, во множестве присутствующих в составе так называемых редакционных советов, пригласить в редколлегии высококвалифицированных российских и зарубежных социологов с опытом публикации в международных журналах (российская социологическая диаспора, конечно, не так многочисленна, как в физике или математике, но она существует и постепенно растет), в том числе работающих в России. Во-вторых, чаще вовлекать их в процесс внутреннего рецензирования, чтобы международные стандарты оценивания текстов постепенно распространялись и в российских журналах и воспринимались не как придирка, а как нормальная практика критического комментирования. В-третьих, социологические ассоциации и сами журналы могли бы выступить в роли организаторов конкурсов на лучшие статьи по разным тематическим направлениям, в разных номинациях (например, начинающий автор, лучшая рецензия и т.д.). В-четвертых, если такие конкурсы станут распространенными, а их результаты будут восприниматься научным сообществом как обоснованные, следовало бы подумать об издании на базе одного из международных издательств англоязычных дайджестов с лучшими текстами или сборников, чтобы отечественная повестка интегрировалась в мировую еще и таким путем. Высшая школа экономики уже начала такую работу, заключив договор с издательством *Springer* на выпуск серии *Societies and Political Orders in Transition*, и в ней уже увидели свет около 10 коллективных монографий по разным темам системного транзита и развивающихся экономик мира.

Заключение

Не претендуя на окончательность диагноза и тем более на безусловную корректность предлагаемых вариантов решения тех теоретических, методологических, организационных проблем, которые были здесь выделены и тезисно описаны, настоящей статьей хотелось бы активизировать дискуссию в профессиональном сообществе по острым вопросам развития социологии как науки и профессии в России. Особенно важно было бы, если бы те, кто не согласен с представленным в статье видением, ответили конструктивной критикой, т.е. предложили как свое видение тех вызовов, с которыми мы можем справиться только вместе, так и ответы на них. Совершенно очевидно, что такая дискуссия была бы полезной для отечественного социологического сообщества.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2016) Профессиональный портрет среднего класса и особенности его эволюции // Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (ред.) Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований. М.: Весь мир. С. 58–79.
- Аузан А.А. (2007) «Колея» российской модернизации // Общественные науки и современность. № 6. С. 54–60.

- Барсукова С.Ю. (2015) Зачем уходят из дома кормильцы? // Экономическая социология. Т. 16. № 1. С. 63–69.
- Барсукова С.Ю. (2017) Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: ВШЭ.
- Бекарев А.М., Девятко И.Ф., Журавлев О.М., Николаев В.Г., Оберемко О.А., Подвойский Д.Г., Радаев В.В., Резник Ю.М., Rogozin Д.М., Щербина В.В. (2018) Современная отечественная социология: состояние и перспективы развития // Личность. Культура. Общество. Т. 20. № 1–2 (97–98). С. 158–191.
- Бессонова О.Э. (2015) Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: РОССПЭН.
- Горшков М.К., Тощенко Ж.Т. (2018) Основные вехи в развитии отечественной социологии (конец 1950-х – 2010-е гг.) // Социологические исследования. № 6. С. 3–16.
- Горшков М.К., Тюрина И.О. (2018) Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 1. С. 44–57.
- Девятко И.Ф. (2012) «Мудрость толп» и «мудрость внутри»: сравнительная точность групповых и индивидуальных суждений о дискретных социальных фактах // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 34. С. 81–104.
- Девятко И.Ф. (2018) Новые данные, новая статистика: от кризиса воспроизводимости к новым требованиям к анализу и представлению данных в социальных науках // Социологические исследования. № 12. С. 30–38.
- Докторов Б.З. (2018) Нескончаемые беседы с классиками и современниками. Опыт историко-биографического анализа. М.: ЦСПиМ.
- Иванов Д.В. (2000) Виртуализация общества. СПб: Петербургское востоковедение.
- Кирдина С.Г. (2014) Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М., СПб: Нестор-История.
- Козырева П.М. (2014) Реформы 1990-х и 2000-х гг.: приобретения и потери россиян // Социологический журнал. № 2. С. 25–47.
- Кольцова Е.Ю., Маслинский К.А. (2013) Выявление тематической структуры российской блогосферы: автоматические методы анализа текстов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 36. С. 113–139.
- Кордонский С.Г. (2008) Сословная структура постсоветской России. М.: ФОМ.
- Кордонский С.Г. (2009) Административно-территориальная структура России и ее ресурсно-сословная природа // Мир России. Т. 18. № 3. С. 3–38.
- Кордонский С.Г. (2010) Россия. Поместная федерация. М.: Европа.
- Кордонский С.Г., Моляренко О.А. (2018) Умом Россию не понять // ЭКО. № 1(523). С. 5–22.
- Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М. (2018) Архаические экономические институты: «распределенные мануфактуры» в малых городах России // Мир России. Т. 27. № 4. С. 6–30.
- Кузина О.Е., Чернышева М.В. (2016) Корпоративная благотворительность и корпоративная филантропия: экономико-социологический анализ // Вопросы экономики. № 3. С. 115–130.
- Норт Д.К., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Нуреев Р.М. (2010) Россия после кризиса – эффект колеи // Журнал институциональных исследований. Т. 2. № 2. С. 7–26.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2011) Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // Мир России. Т. 20. № 4. С. 24–67.
- Плюснин Ю.М. (2014) Общинные и сословные элементы в социальной структуре современного общества // Покровский Н.Е. (ред.) Социальная география, социобиология, и социальные науки: моделирование и прогностика процессов развития регионов Ближнего Севера России: Материалы V Международной научной конференции. М.: Грифон. С. 77–90.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) Отходники. М.: Новый хронограф.

- Радаев В.В. (2008) Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. № 7. С. 24–33.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2015) Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России. Т. 24. № 1. С. 72–100.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2017) Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. № 1. С. 81–93.
- Терентьев Е.А., Мавлетова А.М., Косолапов М.С. (2018) Интервьюирование с помощью компьютерных технологий в лонгитюдных обследованиях домохозяйств // Мониторинг общественного мнения. № 3. С. 47–64.
- Тихонова Н.Е. (2014) Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф.
- Чепуренко А.Ю. (2018) Маркс в университете 3.0? // Социологические исследования. № 5. С. 26–34.
- Чепуренко А.Ю. (2019) Гибкость организационной структуры и типология неформального малого предпринимательства в России. По данным лонгитюдного исследования (2013–2015 гг.) // Экономическая социология. Т. 20. № 4. С. 39–69.
- Черныш М.Ф. (2015) Теория институциональных матриц: критический анализ // Социологические исследования. № 10. С. 74–83.
- Черныш М.Ф. (2019) Проблематизация социальной структуры: исследования социальной структуры и российская социология // Горшков М.К. (ред.) Россия реформирующаяся: Ежегодник. Выпуск 17. М.: Новый Хронограф. С. 48–60.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015) Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. № 12. С. 99–110.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. (2008) Российское неэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. № 11. С. 40–50.
- Froumin I., Kuzminov Y., Semyonov D. (2014) Institutional Diversity in Russian Higher Education: Revolutions and Evolution // European Journal of Higher Education, vol. 4, no 3, pp. 209–234.
- Koltsova O., Selivanova G. (2019) Explaining Offline Participation in a Social Movement with Online Data: The Case of Observers for Fair Elections // Mobilization, vol. 24, no 1, pp. 77–94.
- Kordonsky S.G. (2016) Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime. The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia, Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Nikolenko S., Koltsov S., Koltsova O. (2017) Topic Modelling for Qualitative Studies // Journal of Information Science, vol. 43, no 1, pp. 88–102.
- Radaev V.V. (2014) The Re-emergence of Sociology in Russia // Routledge Handbook of European Sociology, London, New York: Routledge, pp. 426–440.
- Radaev V.V. (2017) National Academic Journal at the International Crossroads // Higher Education in Russia and Beyond, no 1(11), pp. 18–19.
- Shevchuk A., Strebkov D., Davis S.N. (2018) Work Value Orientations and Worker Well-being in the New Economy: Implications of the Job Demands-resources Model among Internet Freelancers // International Journal of Sociology and Social Policy, vol. 38, no 9/10, pp. 736–753.
- Yudin G. (2019) Governing Through Polls: Politics of Representation and Presidential Support in Putin's Russia // Javnost – The Public, vol. 27, no 1, pp. 1–15.
- Yudkevich M. (2013) Leading Universities in Russia: From Teaching to Research Excellence // Journal of International Higher Education, vol. 6, no 3, pp. 113–116.
- Zubarevich N. (2013) Four Russias: Human Potential and Social Differentiation of Russian Regions and Cities // Russia 2025: Scenarios for the Future (eds. Lipman M., Petrov N.), London: Palgrave Macmillan, pp. 67–85.

Sociology in Contemporary Russia: Institutional Challenges

A. CHEPURENKO*

***Alexander Chepurenko** – DSc in Economics, Professor, School of Sociology, National Research University Higher School of Economics; Institute of Sociology of the FCTAS RAS. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: achepurenko@hse.ru

Citation: Chepurenko A. (2020) Sociology in Contemporary Russia: Institutional Challenges. *Mir Rossii*, vol. 29, no 3, pp. 66–85 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-66-85

Abstract

This article analyzes the current state of Russian sociology as a science and as a professional community, and serves as an invitation to a broader discussion. I formulate six main challenges currently Russian sociology: 1) the non-classical, hybrid character of modern Russian society; 2) the threat of sociology losing its critical function as a science; 3) the failure of sociology to help society understand itself and its perspectives; 4) the failure to help understand institutional shifts in academia (in the broad sense) which affect changes in the organization of science in general; 5) the need for self-reproduction and the fostering of a new generation of sociologists; and 6) the spread of anomia and adverse academic practices eroding the profession (e.g. plagiarism). I then draft some possible responses from the scientific community. Addressing the first challenge requires the development of a research paradigm explaining the possibility of the coexistence of heterogeneous settings in a single social system. The second urges the professional community to shift its focus to the issues of paramount importance for society and the profession, to reduce the dependence on public funding and to develop the ability to design flexible but long-term projects. The third requires the development of platforms for public dialogue. The fourth prompts more attention to the analysis of modern academia in the context of University 3.0 and predicting its consequences for the profession. The fifth requires the revision of the channels through which the current professional community is recruited, and the sixth invites the establishment of standardized and objective practices for working with scientific texts in sociological journals.

Key words: sociology, Russia, reverse transition, multi-layered society, challenges

References

Acemoglu D., Robinson J. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty], Moscow: AST.

- Anikin V.A., Tikhonova N.E. (2016) Professional'nyj portret srednego klassa i osobennosti ego evolutsii [Professional Portrait of the Middle Class and Specifics of Its Evolution]. *Srednij klass v sovremennoj Rossii. Opyt mnogoletnikh issledovanij* [Middle Class in Contemporary Russia. Experience of Long Years of Observation] (eds. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E.), Moscow: Ves' Mir, pp. 58–79.
- Auzan A.A. (2007) «Koleya» rossijskoj modernizatsii [The 'Track' of Russia's Modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 6, pp. 54–60.
- Barsukova S.Yu. (2015) Zachem ukhodyat iz doma kormiltsy? [Why Do Breadwinners Leave Home?]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 16, no 1, pp. 63–69.
- Barsukova S.Yu. (2017) *Esse o neformalnoj ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [Essay on Informal Economy, or 16 Shades of Grey]. Moscow: HSE.
- Bekarev A.M., Devyatko I.F., Zhuravlev O.M., Nikolaev V.G., Oberemko O.A., Podvojsky D.G., Radaev V.V., Reznik Yu.M., Rogozin D.M., Shcherbina V.V. (2018) Sovremennaya otechestvennaya sotsiologiya: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Contemporary Domestic Sociology: State and Development Prospects]. *Lichnost'. Kultura. Obshchestvo*, vol. 20, no 1–2 (97–98), pp. 158–191.
- Bessonova O.E. (2015) *Rynok i razdatok v rossijskoj matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [Market and Razdatok in the Russian Matrix: from Confrontation to Integration], Moscow: ROSSPEN.
- Chepurenko A.Yu. (2018) Marx v universitete 3.0? [Marx in the University 3.0?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 26–34.
- Chepurenko A.Yu. (2019) Gibkost' organizatsionnoj struktury i tipologiya neformal'nogo malogo predprinimatelstva v Rossii. Po dannym longitudnogo issledovaniya (2013–2015 gg.) [Flexible Organizational Structure and the Typology of Informal Small Entrepreneurship in Russia: Evidence from a Longitudinal Study (2013–2015)]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 20, no 4, pp. 39–69.
- Chernysh M.F. (2015) Teoriya institutsional'nykh matrits: kriticheskij analiz [The Theory of Institutional Matrices: A Critical Analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 74–83.
- Chernysh M.F. (2019) Problematizatsiya sotsial'nogo: issledovaniya sotsial'noj struktury i rossijskaya sotsiologiya [Problematization of the Social: The Study of Social Structure and the Russian Sociology]. *Rossiya reformiruyushayasya. Ezhegodnik: Vypusk 17* [Russia Under Reform. Yearbook: Issue 17] (ed. Gorshkov M.K.), Moscow: Novyj Khronograph, pp. 48–60.
- Devyatko I.F. (2012) «Mudrost' tolpa» i «mudrost' vnutri»: sravnitel'naya tochnost' gruppovykh i individual'nykh suzhdenij o diskretnykh sotsial'nykh faktakh [The 'Wisdom of Crowds' and the 'Wisdom Inside': Comparing the Accuracy of Group and Individual Judgements on Discrete Social Facts]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, no 34, pp. 81–104.
- Devyatko I.F. (2018) Novye dannye, novaya statistika: ot krizisa vosproizvodimosti k novym trebovaniyam k analizu i predstavleniyu dannykh v sotsial'nykh naukakh [New Data, New Statistics: from Reproducibility Crisis to the New Requirements for Analyzing and Representing Data in Social Sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 30–38.
- Doktorov B.Z. (2018) *Neskonchaemye besedy s klassikami i sovremennikami. Opyt istoriko-biograficheskogo analiza* [Never Ending Conversations with Classics and Contemporaries], Moscow: CSPiM.
- Froumin I., Kuzminov Y., Semyonov D. (2014) Institutional Diversity in Russian Higher Education: Revolutions and Evolution. *European Journal of Higher Education*, vol. 4, no 3, pp. 209–234.
- Gorshkov M.K., Toshenko Zh.T. (2018) Osnovnye vekhi v razvitiy otechestvennoj sotsiologii (konets 1950-kh – 2010-e gg.) [Main Stages in the Development of the National Sociology: The End of the 1950s – 2010s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 3–16.
- Gorshkov M.K., Tyurina I.O. (2018) Sintez etnonatsional'nogo i grazhdanskogo kak osnova rossijskoj identichnosti [The Synthesis of the Ethno-national and the Civil as a Foundation of Russian Identity]. *Vestnik RUDN. Series: Sotsiologiya*, vol. 18, no 1, pp. 44–57.
- Ivanov D.V. (2000) *Virtualizatsiya obshchestva* [Virtualization of Society], Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

- Kirdina S.G. (2014) *Institutsional'nye matritsy i razvitie Rossii. Vvedenie v X-Y-teoriyu* [Institutional Matrices and the Development of Russia. Introduction to the X-Y-Theory], Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Koltsova E.Yu., Maslinski K.A. (2013) Vyyavlenie tematicheskoy struktury rossijskoj blogosfery: avtomaticheskie metody analiza tekstov [Identifying the Thematical Structure of the Russian Blogging Space: The Methods of Automatical Text Analysis]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, no 36, pp. 113–139.
- Koltsova O., Selivanova G. (2019) Explaining Offline Participation in a Social Movement with Online Data: The Case of Observers for Fair Elections. *Mobilization*, vol. 24, no 1, pp. 77–94.
- Kordonsky S.G. (2008) *Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii* [Estates-based Structure of the Post-Soviet Russia], Moscow: FOM.
- Kordonsky S.G. (2009) Administrativno-territorial'naya struktura Rossii i ee resursno-soslovnaya priroda [Administrative-territorial Structure of Russia and Its Resource-estate Nature]. *Mir Rossii*, vol. 18, no 3, pp. 3–38.
- Kordonsky S.G. (2010) *Rossiya. Pomestnaya Federatsiya* [Russia. The Manor Federation], Moscow: Evropa.
- Kordonsky S.G. (2016) *Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime. The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure of Contemporary Russia*, Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Kordonsky S.G., Molyarenko O.A. (2018) Umom Rossiyu ne ponyat' [Russia Can't Be Understood with Mind]. *EKO*, no 1(523), pp. 5–22.
- Kordonsky S.G., Plyusnin Yu.M. (2018) Archaicheskie ekonomicheskie instituty: «raspredelennye manufakturnyye» v malykh gorodakh Rossii [Archaic Economic Institutions: “Scattered Manufactories” in Russian Towns]. *Mir Rossii*, vol. 27, no 4, pp. 6–30.
- Kozyreva P.M. (2014) Reformy 1990-kh i 2000-kh gg.: priobreteniya i poteri rossiyan [The Reforms of the 1990–2000s: The Wins and Losses of Russians]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 25–47.
- Kuzina O.E., Chernysheva V.V. (2016) Korporativnaya sotsial'naya blagotvoritelnost' i korporativnaya filantropiya: ekonomiko-sotsiologicheskij analiz [Corporate Social Charity and Corporate Philanthropy: an Economic-sociological Analysis]. *Voprosy ekonomiki*, no 3, pp. 115–130.
- Nikolenko S., Koltsov S., Koltsova O. (2017) Topic Modelling for Qualitative Studies. *Journal of Information Science*, vol. 43, no 1, pp. 88–102.
- North D.C., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pismennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow: Gaidar Institute.
- Nureev R.M. (2010) Rossiya posle krizisa – effekt kolei [Russia after the Crisis – the Path Dependency Effect]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, vol. 2, no 2, pp. 7–26.
- Nureev R.M., Latov Yu.V. (2011) Kogda i pochemu razoshlis' puti razvitiya Rossii i Zapadnoj Evropy (podkhod s positsii institutsionalnoj ekonomicheskoy istorii) [When and Why Have the Paths of Russia and Western Europe Diverged? A View from Institutional Economic Theory]. *Mir Rossii*, vol. 20, no 4, pp. 24–67.
- Plyusnin Yu.M. (2014) Obshinnye i soslovnnye elementy v sotsial'noj strukture sovremennogo obshchestva [Community and Estates Related Elements in the Social Structure of the Contemporary Society]. *Sotsial'naya geografiya, sotsiobiologiya i sotsial'nye nauki: modelirovanie i prognostika protsessov razvitiya regionov Blizhnego Severa Rossii: Materialy 5 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Social Geography, Sociobiology and Social Sciences: Modelling and Forecast of Development Processes in the Near Northern Regions of Russia: Proceedings of the 5th International Scientific Conference] (ed. Pokrovski N.E.), Moscow: Gryphon, pp. 77–90.
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva J.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Otkhodniki* [Rest-Fishers], Moscow: Novyj Khronograf.
- Radaev V.V. (2008) Vozmozhna li pozitivnaya programma dlya rossijskoj sotsiologii [Whether a Positive Program for the Russian Sociology Is Possible]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 7, pp. 24–33.

- Radaev V.V. (2014) The Re-emergence of Sociology in Russia. *Routledge Handbook of European Sociology*, London; New York: Routledge, pp. 426–440.
- Radaev V.V. (2017) National Academic Journal at the International Crossroads. *Higher Education in Russia and Beyond*, no 1(11), pp. 18–19.
- Shevchuk A., Strebkov D., Davis S.N. (2018) Work Value Orientations and Worker Well-being in the New Economy: Implications of the Job Demands-resources Model among Internet Freelancers. *International Journal of Sociology and Social Policy*, vol. 38, no 9/10, pp. 736–753.
- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova E.N. (2015) Prekariat: teoriya i empiricheskij analiz (na materialakh oprosov v Rossii, 1994–2013) [Precariat: Theory and Empirical Analysis (Using Russian Survey Data, 1994–2013)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 12, pp. 99–110.
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. (2008) Rossijskoe neoetacraticheskoe obshchestvo i ego stratifikatsiya [The Russian Neo-etacratcal Society and Its Stratification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 40–50.
- Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2015) Trudovye traektorii samozanyatykh professionalov (frilanserov) [Work Trajectories of Self-Employed Professionals]. *Mir Rossii*, vol. 24, no 1, pp. 72–100.
- Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2017) Trudovye tsennosti samostoyatel'noj i organizatsionnoj zanyatosti [Work Values of Self-employed and Employees']. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 81–93.
- Terent'ev E.A., Mavletova A.M., Kosolapov M.S. (2018) Interviyurovanie s pomoshch'yu kompyuternykh tekhnologij v longitudnykh obsledovaniyakh domokhosyajstv [Interviewing in Longitudinal Household Surveys Using Computer Technologies]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 3, pp. 47–64.
- Tikhonova N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: Teorii i realnost'* [Social Structure of Russia: Theories and Reality], Moscow: Novyj Khronograf.
- Yudin G. (2019) Governing Through Polls: Politics of Representation and Presidential Support in Putin's Russia. *Javnost – The Public*, vol. 27, no 1, pp. 1–15.
- Yudkevich M. (2013) Leading Universities in Russia: From teaching to Research Excellence. *Journal of International Higher Education*, vol. 6, no 3, pp. 113–116.
- Zubarevich N. (2013) Four Russias: Human Potential and Social Differentiation of Russian Regions and Cities. *Russia 2025: Scenarios for the Future* (eds. Lipman M., Petrov N.), London: Palgrave Macmillan, pp. 67–85.